ГОД ИЗДАНИЯ XXXIII

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КРАСНЫЙ СЕВЕР

ОРГАН ВОЛОГОДСКОГО ОБЛАСТНОГО и ГОРОДСКОГО КОМИТЕТОВ ВКП(б), ОБЛАСТНОГО и ГОРОДСКОГО СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

№ 47 (10268) Среда, 5 марта 1952 года ЦЕНА 20 КОП.

„Расчищена почва, и на этой почве молодое коммунистическое поколение может строить коммунистическое общество. Перед вами задача строительства и вы ее можете решить, только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что объединяет вашу непосредственную работу, превратить коммунизм в руководство для вашей практической работы".

В. И. ЛЕНИН.

Обеспечить каждую МТС квалифицированными кадрами

На совещании передовых комбайнеров и комбайнеров в 1935 году товарищ Сталин говорил: «Главное теперь в том, чтобы навечно на кадры, обучить кадры, чтобы отстающим освоить технику, выращивать изо дня в день людей, способных освоить технику и двигать ее вперед».

Эти указания вождя стали нерушимым законом в деле подготовки, воспитания и правильного использования кадров механизаторов МТС.

Череповецкая машинно-тракторная станция имеет хорошие кадры механизаторов. Они постоянно повышают свою квалификацию, совершенствуют мастерство. Станция ежегодно готовит новых специалистов, воспитывает их в духе социалистического отношения к труду.

В прошлом году череповецкие механизаторы добились новых успехов. Станция перевыполнила производственный план, дала государству 35 тысяч рублей накоплений, значительно снизила себестоимость тракторных работ. Трактористы выработали по 610 гектаров на 15-сильный трактор.

Серьезное внимание обращению, воспитанию и подготовке механизаторов в Шевденинской, Лесной, Борисово-Судской и других передовых МТС. Их руководители постоянно контактируют с райкомами партии и райисполкомами, своевременно организовали подготовку трактористов у себя, послали людей для учебы в школы механизации. В этих МТС не только обеспечен хорошими водителями имеющийся машинно-тракторный парк, но и подготовляются люди для работы на вновь поступающих тракторах и сельхозмашинах.

Иное положение в тех районах и МТС, где указания партии и правительства о кадрах продолжают забвению.

Харовская МТС крайне неудовлетворительно справляется с возложенными на нее задачами, плохо выполняет договоры с колхозами. Многие работы этой станцией в прошлом году проводились в колхозах с большим опозданием. Основной причиной плохой работы Харовской МТС является необеспеченность ее механизаторными кадрами. Тем же между руководители этой станции тт. Отгинг и Соловьев не занимаются подготовкой кадров.

Руководители Харовского района не учли печальных уроков прошлого года, когда из-за неудовлетворительной работы МТС многие колхозы собирали низкий урожай. Райисполком до сих пор не выполнил решения облисполкома, обязывающего к 25 февраля отобрать комплектовщиков курсов трактористов при МТС и отправку людей на учебу в школы механизации. Руководителей этого района не беспокоит, что в Харовской МТС для работы в две смены нехватает 25 трактористов, а в Пундуге — 21.

Не лучше с подготовкой кадров и комплектованием тракторных бригад в Оштинской, Бабаевской, Вологодской, Вытегорской, Вахтовской и ряде других МТС.

Во всем этом большая вина лежит на областном управлении сельского хозяйства, директорах МТС, райкомах партии и райисполкомах, допустивших сапфет в обеспечении МТС кадрами механизаторов.

Весна не за горами. Сейчас дорог каждый день, каждый час в подготовке МТС к весеннему севу, и в особенности в комплектовании их кадрами. В текущем году каждый трактор должен быть обеспечен двумя трактористами, каждая машина — опытными водителями, обеспечивающими высокую производительность и отличное качество работ.

В связи с этим должна быть проявлена особая забота о механизаторах, о повышении их знаний, полном укомплектовании знающими дело людьми каждой тракторной бригады.

Нынче почти каждый укрупненный колхоз будет обслуживаться постоянной тракторной бригадой МТС. Поэтому надо добиться, чтобы в каждом колхозе были свои трактористы, комбайнеры, льнотеребильщики, прицепщики, заправщики. Это обеспечит более эффективное использование тракторов и сельхозмашин, создаст условия для слаженной работы тракторных и полеводческих бригад, поднимет еще более ответственность механизаторов за качество работ, за получение высоких урожаев.

Особое внимание надо обратить на работу курсов при МТС и в школах механизации, на повышение качества подготовки учащихся.

Одновременно с подготовкой новых трактористов надо провести переподготовку старых кадров. В связи с этим большое значение приобретают семинары по повышению квалификации руководящих работников, специалистов и бригадиров тракторных бригад. Их необходимо провести в каждой МТС на высоком уровне.

До начала полевых работ должна быть проведена переаттестация трактористов. Сейчас в каждой МТС надо создать все условия для повышения знаний аттестуемых трактористов.

Залогом успешной подготовки кадров является повседневная политико-воспитательная работа с механизаторами. Об этом должны постоянно помнить заместители директоров по политической части и первичные партийные организации МТС.

Правильный подбор и повышение квалификации трактористов, комбайнеров, льнотеребильщиков, машинистов, бригадиров и других механизаторских кадров — дело большой государственной важности и оно должно постоянно находиться в центре внимания райкомов партии, райисполкомов, руководителей сельскохозяйственных органов и МТС.

Обеспечить каждую МТС квалифицированными кадрами, это значит еще выше поднять урожайность сельскохозяйственных культур, продуктивность общественного животноводства, еще лучше укрепить об единенные колхозы.

Социалистическое соревнование лесозаготовителей Вологодской и Архангельской областей на 1 марта 1952 года

(Вывозка древесины в процентах)

Тресты Минлеспрома	К плану сезона 1951-52 года	К плану I квартала
Вологодская область		
Трест «Череповелес»	68,0	49,4
Трест «Вологдолес»	62,1	49,1
Трест «Устюглес»	58,4	43,9
Монзенский ЛПХ	86,1	61,1
Архангельская область		
Трест «Двинолес»	57,8	54,8
Трест «Онеголес»	55,9	47,0
Трест «Котлалес»	54,6	46,8
Лешуконский ЛПХ	76,0	58,5

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ

лесопромхозов области по выполнению плана вывозки леса на 1 марта 1952 года (в процентах)

Зан. место	Леспромхозы	К сезонному плану 1951-52 гг.	К плану I квартал
1.	Валунский	86,6	60,4
2.	Вашкинский	84,6	62,6
3.	Шекснинский	80,3	53,0
4.	Оштинский	76,2	59,1
5.	Михайловский	75,1	54,6
6.	Нечеважский	73,6	59,8
7.	Бабушкинский	72,9	47,8
8.	Уламский	71,3	51,7
9.	Калужский	70,9	49,7
10.	Явенгский	69,0	63,7
11.	Б.-Судский	66,8	52,0
12.	Семигородний	67,3	47,3
13.	Лежский	65,3	49,9
14.	Белозерский	64,0	46,1
15.	Токсский	63,0	55,4
16.	Кокшенский	63,0	42,7
17.	Сямженский	62,6	48,7
18.	К.-Городецкий	61,7	49,3
19.	Андомский	60,8	47,5
20.	Тарногский	60,6	45,9
21.	Вытегорский	60,3	39,8
22.	Междуреченский	60,2	50,6
23.	Шольский	60,2	48,8
24.	Белоручейский	59,8	47,0
25.	Нюксенский	58,5	44,4
26.	Батальский	58,0	46,1
27.	Бабаевский	56,7	39,3
28.	Вожегодский	55,4	43,8
29.	Бирюковский	55,4	42,9
30.	Кемский	55,2	37,4
31.	Никольский	54,7	39,9
32.	Устюженский	55,0	48,0
33.	Митинский	52,5	38,7
34.	Рослятинский	52,0	37,2
35.	В.-Устюгский	51,3	40,9
36.	У.-Алексеевский	42,7	34,0
37.	Уфтюгский	28,3	25,5

VII областная конференция ВЛКСМ

В зале заседаний VII областной конференции ВЛКСМ. Фото П. Мошкова.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 3 МАРТА

Доклад секретаря обкома ВЛКСМ тов. Левичева изобиловал фактами и цифрами, характеризующими работу областной комсомольской организации за отчетное время.

Повысилась роль комсомольских организаций в хозяйственном и культурном строительстве области. Достаточно сказать, что в промышленности, на транспорте и строительстве занято более 70 тысяч юношей и девушек, значительная часть из которых комсомольцы. Важное место занимает молодежь в сельском хозяйстве.

Большая часть комсомольцев и молодых рабочих по-большевистски берется за выполнение и перевыполнение производственных планов, норм выработки, за высокое качество работы и дальнейшие достижения в коммунистическом строительстве. Комсомольцы являются застрельщиками социалистического соревнования, зачинателями новых, прогрессивных методов труда.

Докладчик на ярких примерах показывает самоотверженный труд молодых труженников промышленности и колхозных полей на благо социалистической Родины.

Комсомольско-молодежная поточная линия тов. Зорина из Удимского леспромхоза обязалась в течение сезона заготовить 31 тысячу кубометров древесины и свое слово с честью выполняет.

Упорно борются за выполнение взятых обязательств комсомольско-молодежные поточные линии тт. Мардаровского — из Удимского леспромхоза, Синицына — из Монзенского и другие.

Все 28 комсомольско-молодежных бригад Сокольского бумкомбината перевыполняют производственные задания и добиваются высокого качества продукции.

Возросла авангардная роль на производстве сельских комсомольцев. После объединения колхозов произошли серьезные изменения в жизни и структуре колхозных комсомольских организаций. Они стали крупными, многочисленными. Многие из них являются достойными помощниками партийных организаций и правлений сельхозартелей. В комсомольской организации колхоза «Рабочий», Мякснинского района, 65 человек. Все они являются передовиками в общественном хозяйстве. Сейчас комсомольская организация активно участвует в подготовке к весеннему севу.

Из 35 комсомольцев Шевденинской МТС, Тарногского района, большинство показывает образцы стахановского труда. Тракторист Александр Быков в период весеннего сева в истекшем году вспахал 354 гектара.

Повысился уровень работы многих комсомольских организаций, возросло их влияние на молодежь, укрепились связи между ними. Улучшили руководство первичными организациями некоторые райкомы и горкомы комсомола. Это, прежде всего, относится к Вологодскому горкому, Череповецкому, Грязовецкому, Устьянскому и Вологодскому райкомам ВЛКСМ.

— Однако, — говорит докладчик, — деятельность областной комсомольской организации еще не отвечает возросшим требованиям. Уровень работы большой части первичных организаций, руководства ими со стороны райкома и горкома все еще остается крайне низким.

— Обком, а вслед за ним некоторые горкомы и райкомы ВЛКСМ мало занимались и неквалифицированно руководили комсомольскими организациями промышленности и транспорта, редко обсуждали отчеты о их работе, не поддерживали своевременно ценных начинаний, не доводили свое руководство до цеховых комсомольских организаций, плохо занимались подбором и воспитанием кадров. Мы не добились еще того, чтобы все молодые рабочие участвовали в социалистическом соревновании, выполняли и перевыполняли производственные задания.

Комсомольские организации недостаточно борются за повышение трудовой дисциплины. Не случайно на Вологодском железнодорожном узле в течение истекшего года было немало нарушений производственной дисциплины комсомольцами. Подобные факты имеют место на Вологодском судоремонтном и паровозо-вагоноремонтном заводах. К сожалению, эти вопросы не обсуждаются на комсомольских собраниях.

Обком и комсомольские организации недостаточно уделяют внимания производственно-техническому обучению молодежи, повышению их производственной квалификации, не организуют боевое содружество стахановцев с инженерно-техническими работниками. Мало проявляют они заботы о создании нормальных бытовых условий для молодежи, об удовлетворении ее культурных запросов. Работники обкома и его секретари редко бывают на предприятиях и в общежитиях молодежи, не интересуются их бытом и производственной работой.

Особенно слабо обком вникал в работу сельских организаций и мало нацеливал на это районные комитеты. Многие комсомольские организации, и в первую очередь, Тарногского, Никольского, Шольского, Кожвинского и Андомского районов плохо помогают партийным организациям в борьбе за повышение продуктивности общественного животноводства, создание прочной кормовой базы.

Слаба роль комсомольских организаций в организационно-хозяйственном укреплении колхозов. Комсомольские организации редко ставят перед правлениями и партийными организациями вопросы об устранении недостатков в работе колхозов.

Секретарь Белозерского районной организацией,—говорит тов. Левичев,—стоит задача — в кратчайший срок устранить отмеченные недостатки, решительно повысить роль комсомольских организаций в решении всех хозяйственно-политических задач, стоящих перед колхозами, повысить политическую и производственную активность комсомольцев.

Большое место в своем докладе тов. Левичев уделил вопросам коммунистического воспитания молодежи, внутрисоюзной и спортивно-физкультурной работы, деятельности комсомольских организаций школ и учебных заведений.

— Комсомольские организации области,—сказал докладчик,—слабо помогали школе в борьбе за повышение успеваемости и дисциплины учащихся. В ряде школ плохо поставлена политико-воспитательная работа среди школьников. Обком, райкомы и горкомы ВЛКСМ недостаточно занимались подбором и воспитанием кадров пионерских вожатых, мало внимания уделяли вечерним школам молодежи.

О запущенности внутрисоюзной работы свидетельствует такой, например, факт. Из 168 первичных организаций Кичменгско-Городецкого района в истекшем году в 28 не было проведено ни одного собрания, а в 82 организациях проведено от одного до трех собраний.

В нынешнем учебном году некоторые горкомы, например, Сокольский и Велико-Устюгский, райкомы: Усть-Алексеевский, Череповецкий и Бабушкинский улучшили работу по политическому просвещению молодежи. В целом по области состояние политической учебы комсомольцев остается неудовлетворительным. Достаточно сказать, что свыше 7000 членов ВЛКСМ не вовлечены в учебу. Особенно плохо поставлено политическое обучение комсомольцев, работающих в лесу.

Слабо поставлена марксистско-ленинская учеба молодежи, например, в Кичменгско-Городецком районе, где многие кружки и политкружки приступили к занятиям только в конце декабря.

Главный недостаток в комсомольской пропаганде — низкий уровень занятий. Передовые пропагандисты являются на них неподготовленными, рассказывают сухо, факты из местной жизни, художественную литературу не используют. Руководители кружков по изучению истории партии слабо раскрывают слушателям руководящую и направляющую силу ВКП(б), величие и могущество нашей Родины; неглубоко показывают превосходство социалистического строя перед капиталистическим.

В ряде мест недоценивается метод самостоятельной работы над книгой. Так, в Кадуйском районе и в городе Череповце нет ни одного комсомольца, самостоятельно изучающего революционную теорию.

В недостатках политической учебы во многом повинен и обком комсомола, который мало уделял внимания этому участку работы.

Недостатки, имеющие место в деятельности областной комсомольской организации, в значительной степени являются результатом отсутствия хорошо налаженной проверки исполнения принимаемых решений, низкого уровня организационной работы.

— Обком, некоторые райкомы и горкомы ВЛКСМ,—говорит докладчик,—потратили много времени на принимают решений, но мало проводят живой, организаторской работы по их выполнению. Тов. Левичев подробно анализирует недостатки в стиле работы бюро обкома и его секретарей, горкомов и райкомов ВЛКСМ. Обком комсомола, некоторые районы и горкомы еще не изжили канцелярско-бюрократический метод руководства.

Заключная доклад. тов. Левичев говорит:

— Областной комитет партии повседневно направляет работу комсомольской организации. Мы постоянно ощущаем помощь и заботу ЦК ВЛКСМ и ЦК ВКП(б). Используя эту помощь и заботу, надо мобилизовать молодежь на решение задач, которые стоят сейчас перед областью. Для этого необходимо решительно устранить все недостатки в деятельности комсомольских организаций, резко повысить уровень их работы.

С отчетным докладом о работе ревизионной комиссии выступила т. Яшина.

* * *

Первым в прениях по отчетным докладам обкома ВЛКСМ и ревизионной комиссии выступил секретарь Вологодского горкома ВЛКСМ тов. Панов. Рассказав об успехах, достигнутых городской комсомольской организацией за отчетный период, тов. Панов заявил, что эти успехи могли быть значительно большими, если бы обком комсомола конкретно и оперативно руководил городским комитетом. Принимая множество всевозможных решений, обком не проводил надлежащей организаторской работы и не осуществлял должного контроля за их выполнением.

Секретарь Белозерского райкома ВЛКСМ тов. Поздняков остановился на недостатках областного комитета комсомола в работе с кадрами.

— За два года работы секретарем райкома комсомола, — сказал он,—я только один раз был приглашен на десятидневный семинар. Я думал, что за эти десять дней узнаю много нового, заимствую, получу необходимые навыки организаторской работы. Но надежды не оправдались. Семинар сократили наполовину, многие вопросы были плохо подготовлены, и большой пользы присутствовавшим семинар не дал.

Секретари райкомов остались недовольны таким семинаром, высказали свои замечания тов. Левичеву. Обком сделал соответствующие выводы. Но какие? Вместо того, чтобы тщательно готовить семинары, он совершенно перестал их проводить.

Еще хуже поставлена работа со второстепенными районами и заведующими отделами. Они вообще не чувствуют никакого руководства со стороны обкома. Учеба их и инструктирование не проводятся. В обком они не вызываются, а разговоры по телефону работники отделов обкома, как правило, ведут через первого секретаря.

Обком ВЛКСМ несерьезно относится к подбору и расстановке кадров. Только за полтора года в аппарате обкома сменились три секретаря, несколько заведующих отделами и инструкторов.

— На VI областной конференции,—говорит секретарь Бирюковского райкома ВЛКСМ тов. Тараканов,—делегаты резко критиковали обком комсомола, его секретарей Левичева и Клюеву за канцелярско-бюрократический стиль руководства, но секретари и члены бюро не приурочились к справедливым замечаниям делегатов и попрежнему не бывают на местах. Жалкое практическое руководство комсомольскими организациями они подменяют заседательской суетней, принятием множества решений и постановлений, которые не подкреплялся организаторской работой. Поток директив нисколько не уменьшился, а даже увеличился. В то же время в нашем районе никто из работников обкома не бывал.

Часто решения обкома высылаются с большим запозданием и подчас просто дезорганизуют работу аппарата райкома. Так, решение бюро о подготовке к учебе среди комсомольских организаций в проведении отчетно-выборных собраний в колхозах мы получили лишь 6 февраля, когда в ряде колхозов эти собрания были уже проведены. Такие факты не единичны.

— Обком комсомола не интересуется проверкой исполнения своих решений, не добивается, чтобы они претворялись в жизнь. Работники обкома не анализируют протоколы и решения и не делают по ним никаких замечаний.

— За отчетный период Вологодская районная комсомольская организация добилась некоторых успехов,—сказал секретарь Вологодского райкома ВЛКСМ тов. Бегунцев.—Но все колхозах, семилетних и средних школах, на предприятиях и в учреждениях, где работает молодежь, мы создали комсомольские организации. Вовлекли в члены ВЛКСМ большое число передовых рабочих и колхозников. Значительно улучшилась внутрисоюзная комсомольская работа.

Однако в работе райкома ВЛКСМ имеется ряд серьезных недостатков. Мы еще слабо работаем с активом, редко проводим семинары секретарей первичных организаций и группоров, плохо учитываем комсомольскими организациями лесозаготовительных предприятий, мало уделяем внимания культурно-массовой работе среди молодежи.

Во всех этих недостатках, в первую очередь, повинен райком комсомола. Но большая доля вины ложится и на обком. За отчетный период в Вологодском районе побывало немало работников областного комитета. Но действенной помощи они нам не оказали. Приезжая на места, инструкторы обкома, главным образом, занимались сбором сведений, отрицательных фактов, а чтобы помочь райкому изжить недостатки, для этого у них не остается времени.

— К голосу райкомов комсомола очень плохо прислушиваются в областном комитете. В прошлом году мы провели ряд по проверке бытовых условий молодых лесозаготовителей. При обсуждении материалов на бюро вскрылся ряд недостатков, которые на месте, без вмешательства обкома, устранить было нельзя. Свое решение по этим материалам мы направили в областной комитет и просили его немедленно вмешаться в дело. Прошло несколько месяцев, но обком все еще не нашел времени рассмотреть наше ходатайство. Следует также отметить, что и из личной беседы с работниками обкома мало извлекаешь пользы: либо они разговаривают на ходу, либо бюрократическим языком, в форме директив.

Секретарь комсомольской организации Череповецкого учительского института Лобанов подчеркнул, что обком ВЛКСМ плохо знает положение дел на местах и поэтому часто делает неправильные выводы о работе отдельных первичных организаций. Комсомольская организация института является одной из наиболее крупных в Череповце, но ей не уделяется должного внимания. Еще в конце 1950 года было принято решение обкома об оказании комитету комсомола института помощи в улучшении воспитательной и внутрисоюзной работы. Но это решение осталось на бумаге.

Находясь в Череповце, руководитель лекторской группы обкома Петров присутствовал всего лишь на одной лекции для молодежи «О моральном облике советского человека», сделал поспешные выводы и, не изучив глубоко состояние лекционной пропаганды, покинул институт. От такого посещения толку мало.

Секретарь Вологодского райкома ВЛКСМ Лавров в своем выступлении предъявил обкому комсомола серьезный счет за слабое обобщение и передачу опыта работы лучших комсомольских организаций.

—Мало материалов о работе с молодежью,—сказал он,—печатается и на страницах областной газеты «Красный Север».

В нашем районе лекционно-бюрократических методах руководства обкома говорили в своих выступлениях секретарь Вашкинского райкома ВЛКСМ Степанина и секретарь Грязовецкого райкома Шишигин.

— В минувшем году к нам приезжали работники обкома Петров и Воробьев,—сказала тов. Степанова.—Но ни один из них не побывал в комсомольских организациях, не прочитал лекции или доклада для молодежи. Вместо помощи райкому они занялись сбором сведений, которые им известны из наших отчетов. Новый состав обкома должен отрешиться от таких порочных методов руководства.

На вечернем заседании в прениях выступили также тт. Цветков (Мякснинская районная организация) и Виноградов (помощник начальника политотдела Северной железной дороги по комсомолу).

(Окончание на 2-й стр.).

VII областная конференция ВЛКСМ

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 4 МАРТА

Вчера на утреннем заседании областной комсомольской конференции продолжилась прения по отчетному докладу обкома ВЛКСМ.

Секретарь Велико-Устюгского райкома ВЛКСМ тов. **Харитонов** сообщил, что райком ВЛКСМ, выполняя решение районной комсомольской конференции, усилил воспитание низового актива. За последние три месяца проведены семинары с пропагандистами и секретарями первичных организаций.

«Активно работают все 13 комсомольцев колхоза имени Чкалова Вожегодского района. Секретарь комсомольской организации тов. **Смагоровой** рассказал делегатам конференции, что молодежь настойчиво овладевает агротехническими знаниями, деятельно участвует в подготовке и ведет массово-политическую работу на животноводческой ферме. Все комсомольцы занимаются в политкружке. В колхозе создано новое добровольное спортивное общество «Колхозник», работают кружки художественной самодеятельности.

«Анализ показывает, что приняли и другие выступавшие. В то же время делегаты правильно отмечали, что успехи в комсомольской работе могли быть значительно большими, если бы обком ВЛКСМ находил в своем деле поддержку в каждом колхозе и горкома комсомола, а те, в свою очередь, — до каждой первичной организации. Но обком ВЛКСМ не осуществил повседневной, жизненной связи с низовыми организациями, слабо учил и воспитывал кадры на практической работе.

— За три года в нашем районе не было ни один секретарь обкома,—говорила секретарь Чебаркского райкома ВЛКСМ тов. **Комова**.—Выезд в обком, мы видим секретарей только на заседания пленумов или бюро. По душам с ними никто не беседует. Обком не создает условий и для нашей учебы.

В нашем районе много молодежи, не имеющей среднего образования. Мы не раз ставили вопрос об открытии вечерних школ сельской молодежи и каждый раз получали отказ.

Крупные недостатки в руководстве культпросветработой у Устюженского райкома ВЛКСМ тов. **Жгарев**.

Докладчик сказал, что мы не знаем состояния политического просвещения в районной комсомольской организации. Я согласен с этой критикой. Но в обкоме хорошо знали, что секретарь райкома тов. Румянцев, призванный руководить этим важнейшим участком, ничем не занят. Однако обком не помог нам укрепить руководство политическим просвещением молодежи.

Законные требования пред'явил обкому ВЛКСМ секретарь комитета ВЛКСМ Вологодского железнодорожного узла т. **Жабчиков** и заместитель начальника политотдела Шекснинского речного пароходства по комсомолу т. **Вавилов**.

Комсомольцы железнодорожного и водного транспорта по-стахановски трудятся во имя Родины. На Вологодском узле из 508 комсомольцев — 326 стахановцы, и 124 ударника. Комсомольско-молодежные паровозы по праву считаются лучшими на Северной дороге.

Молодые машинисты берутся к предстоящей навигации, стремятся с честью выполнить боевое задание Родины — перевести на 52 процента паровозов больше, чем в прошлом году.

Задача обкома ВЛКСМ — возглавить инициативу молодых транспортников и помочь им успешно решить ответственные задачи. Этому обязывала и VI областная конференция ВЛКСМ, которая в своих решениях, что обком должен повседневно, занимаясь комсомольскими организациями транспорта. К сожалению, решения конференции остались невыполненными.

Вопросам политического просвещения в комсомольской организации выступление секретаря обкома ВЛКСМ по пропаганде и агитации т. **Макаровский**. Он отметил, что в области увеличилось число комсомольцев, изучающих марксистско-ленинскую теорию. Однако в политическом просвещении молодежи имеются всем крупные недостатки. Занятия во многих кружках и политшколах проходят на низком идейном уровне. Без учета современности. Разрыв между теорией и практикой приводит к тому, что некоторые слушатели кружков слабо учитывают в занятиях конкретных задач, стоящих перед комсомольской организацией.

— Об'ясняется все это низким уровнем нашего руководства политическим просвещением молодежи,—говорил тов. Макаровский.—Бюро обкома, заслушав выступление отдела пропаганды и агитации в командировках по самым различным вопросам, не давая им возможности заняться политическим воспитанием — организацией политучебы. Об этом знали и работники отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ, но не указали на т. Левичеву и Клюеву на этот недостаток. Областная газета «Красный Север» мало публикует материалов об учебе комсомольцев. Да и на страницах «Комсомольской правды» нехватает таких статей.

Об участии комсомола в культурно-просветительной работе говорил заведующий областным отделом культурно-просветработы т. **Платонов** (выполнял доклад за секретаря ЦК ВЛКСМ) требовал от комсомольских организаций — глубоко вникать в деятельность культурно-просветучреждений и активно участвовать в их работе. Однако это не выполняется. Улучшению работы культпросветучреждений мешает частая смена кадров, особенно в Вашкинском, Кадуйском, Петринемском и Лежском районах. В Сямске работников культпросветучреждений используют на всевозможных хозяйственных работах, отрывая от основного дела.

Надо в первую очередь укрепить кадры. Тов. Платонов ставит перед комсомолом конкретную задачу: послать на работу в культпросветучреждения 300 комсомольцев.

Конкретную программу работы областной комсомольской организации изложил в своем выступлении заместитель заведующего отделом комсомольских органов ЦК ВЛКСМ т. **Меснцев**.

— Главный итог,—говорил он,— с которым прошла областная организация к своей конференции, состоит в том, что молодежь еще теснее сплотилась вокруг большевистской партии и полна решимости выполнить любое ее задание. С помощью комсомольцев Вологодская область достигла ряда успехов в хозяйственном и культурном строительстве. Нельзя, однако, успокаиваться на этом, так как впереди предстоит более серьезные задачи.

Комсомольцы лесных и промышленных предприятий должны настойчиво бороться за овладение новой техникой, за досрочное выполнение планов. В сельском хозяйстве надо мобилизовать все силы на подготовку к севу, обратить особое внимание на расстановку канзаторских кадров. До сих пор обком и райком слабо занимались этим.

Комсомольские организации должны послать не менее тысячи человек на животноводческие фермы и помочь этим товарищам в совершенстве овладеть работой.

Останавливаясь на вопросе коммунистического воспитания молодежи, тов. Месяцев отметил формальное отношение к делу со стороны комсомольских органов ВЛКСМ. Об этом свидетельствуют крупные недостатки в организации политической учебы молодежи, слабая постановка специальной пропаганды, особенно пропаганды, разоблачающей поджигателей новой войны. Плохо ведется работа по воспитанию комсомольского актива. Слабо занимается обком подбором и воспитанием кадров.

— Все это,—заявил тов. Месяцев,—объясняется недостатками в работе бюро обкома ВЛКСМ и его секретарей Левичева и Клюевой. Бюро решало главным образом вопросы и уходило от перспективных. Бюро не оказывало должной помощи районам, слабо осуществляло живую связь с ними. Пусть решительно взяться за устранение этих недостатков. ЦК ВЛКСМ уделяет большое внимание Вологодской комсомольской организации. За последнее время он принял ряд решений, направленных к улучшению ее работы. Обкому и райкомам ВЛКСМ надо поднять ответственность за состояние работы областной комсомольской организации.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 4 МАРТА

На вечернем заседании продолжались прения по отчетам обкома ВЛКСМ и ревизионной комиссии.

— Обком ВЛКСМ и его секретари Левичев, Клюева и Трапезников мало помогают райкому в руководстве первичными организациями,—сказал секретарь Кожинского райкома ВЛКСМ тов. **Ситников**.—В прошлом году к нам приехали тт. Готовцева и Балдесова, чтобы подготовить вопросы для бюро обкома. За три дня пребывания в районе они не сумели познакомиться с работой первичных организаций и глубоко вскрыть недостатки. Вопрос на бюро был рассмотрен наспех, выводы сделаны поверхностные, нетребительные.

На многочисленных примерах секретарь Бабушинского райкома т. **Власов** показал, что в обкоме плохо знают положение дел на местах и нередко принимают противоречивые решения.

Делегат от Харовской районной организации т. **Боброва** сказала: раньше секретарь первичной организации первый год, я встретила большие трудности, но ни райком, ни обком комсомола не оказали нам практической помощи.

С большой речью перед делегатами областной конференции выступил первый секретарь обкома КПСС тов. **В. И. Дербинов**.

От имени областного комитета партии он передал VII областной конференции горячий большевистский привет.

— Областная комсомольская организация,—сказал тов. Дербинов,—об'единяет в своих рядах почти 100 тысяч человек. Это — большая сила. Комсомол, участвуя в решении всех задач, которые ставит перед нашей областной партией, правительство и товарищ Сталин.

На десоязатонных мы видим в качестве решающей силы молодежь, наших комсомольские организации. Можно назвать сотни и тысячи юношей и девушек, которые настойчиво овладевают техникой земледелия.

В цехах Вологодского паровозовагоноремонтного завода, целлюлозно-бумажных комбинатах, потребсоюзе Союза, на всем транспорте, в колхозах, МТС самыми активными работниками являются комсомольцы, молодежь.

Все это показывает сердца комсомольцев чувством законной гордости за свои дела. Но вместе с тем это обязывает нас с особой ответственностью подойти к анализу причин, мешающих комсомольской областной организации удесятерить свои усилия в борьбе за решение задач, стоящих перед областью.

Тов. Дербинов разбирает причины, почему область состоит в числе последних рядов основных хозяйственных работ. Он говорит, что за это несут ответственность не только партийные, советские и хозяйственные организации, но и комсомольцы.

— Вот почему,—говорит тов. Дербинов,—областная комсомольская организация должна особенно требовательно отнестись к работе обкома, райкомов и горкомов ВЛКСМ, призванных мобилизовать молодежь на героические дела.

В докладе обкома комсомола сказано, что наличие больших недостатков в его работе, в деятельности всей областной организации не позволило нашей области успешно решать задачи, стоящие перед нею. И правильно. Эти факт нужно глубоко осознать и прочувствовать.

Чем глубже комсомольские организации, начиная с первичной организации и кончая обкомом, осознают свою огромную ответственность перед партией и советским обществом, райкомом и горкомом дел в колхозе, МТС, совхозе, лесопромхозе, на заводе, в школе,—тем лучше будет для дела.

Наша область пока неудовлетворительно решает свои задачи. Причин, имеющих серьезные недостатки и в работе областной комсомольской организации, в обкоме ВЛКСМ, который не сумел мобилизовать почти стотысячный отряд комсомольцев, всю молодежь на успешное выполнение плана лесозаготовок, на борьбу за высокий урожай, за новый мощный подъем общественного животноводства и рост его продуктивности.

На VII областной комсомольской конференции делегаты подвергли резкой критике обком ВЛКСМ, его секретарей Левичева, Клюеву, Трапезникова и других работников, критиковали многие горкомы и районы комсомола.

Тов. Лежнина, делегат от Тотемского не всегда понимали свою ответственность перед партией за повышение бесспособности областной комсомольской организации и усиленное коммунистическое воспитание. Они не сосредоточили всех усилий на укреплении и улучшении работы районного аппарата, на устраняющих непосредственное руководство первичными организациями, сами крайне мало проявляли инициативы и не обеспечивали широкого роста инициативы районов и первичных организаций.

Обком комсомола и его руководители не были либо внимательны к первичным организациям. Обком комсомола и его руководители не поднимались на уровень смелой постановки вопросов, на улучшение работы среди молодежи—органов народного образования, профсоюзов, культпросветотделов, спортивных организаций. Обком комсомола и его руководители с большим опозданием рассматривали новые вопросы, которые стали жизнь. Не случайно, конечно, в отчетном докладе обкома комсомола не поставлены те новые вопросы, которые в частности возникли сейчас, в практике работы колхозных организаций в связи с укрупнением колхозов.

Если к этому добавить ошибки в подборе кадров, невнимательное, иногда безразличное отношение обкома ВЛКСМ к воспитанию руководящих кадров, элементы канцелярщины и формализма в руководстве, то, как говорили делегаты конференции,—то станет ясным, что все эти большие и серьезные ошибки обкома комсомола в сильной степени влияли на работу комсомольской организации.

Уровень организационной работы обкома, вслед за ним и у них районов и горкомов ВЛКСМ не поспевал за уровнем роста активности молодежи, за ее трудовыми подвигами.

Далее тов. Дербинов анализирует причины, породившие недостатки в работе обкома комсомола, рассказывает о той помощи, которую районы получили от ЦК ВЛКСМ систематически оказывали областной комсомольской организации. Однако эту помощь обком ВЛКСМ не сумел использовать в полной мере. Не учитывал сделанных на многочисленных совещаниях в обкоме партии недостатков в работе т. Левичева и Клюевой. Не сумел их выявить и учесть стремления до конца исправить свои ошибки.

Новый состав обкома ВЛКСМ, — сказал тов. Дербинов,— должен учесть эти ошибки и сделать исчерпывающие выводы из критики, которой делегаты конференции подвергли недостатки в деятельности обкома ВЛКСМ.

Тов. Дербинов подверг также острой критике ряд райкомов и горкомов ВЛКСМ, потерявших чувство ответственности за порученное дело и вставших на неправильный путь игнорирования решений и указаний областного комитета комсомола.

В заключение своей речи тов. Дербинов призвал участников конференции мобилизовать всю областную организацию комсомола на быстрейшее устранение важных недостатков, на решительный под'ем всей комсомольской работы.

Конференция признала работу обкома ВЛКСМ удовлетворительной и утвердила отчет ревизионной комиссии обкома.

Конференция получила приветственные телеграммы от комсомольцев Ярославской областной конференции ВЛКСМ и послала им ответную телеграмму.

• • •

С докладом «О состоянии и мерах по улучшению комсомольской и пионерской работы в школах области» выступила секретарь обкома ВЛКСМ тов. **Меева**.

Она сказала, что, благодаря закреплению материально-технической базы, улучшению качественного состава учителей в школах области, несколько улучшилась учебно-воспитательная работа, повысились идейно-теоретический уровень преподавания и успеваемость. Сократилось количество второгодников.

После XI с'езда ВЛКСМ улучшилась работа комсомольских и пионерских организаций.

На фактах и примерах тов. Меева показывает, насколько содержательна, интересна и занимательна работа, ставшая внимательно разбирать деятельность комсомольских и пионерских организаций.

—Однако в целом по области,—говорит тов. Меева,—успеваемость в школах еще остается низкой.

Одной из причин низкой успеваемости является слабая работа комсомольских и пионерских организаций. Многие из них плохо помогают учителям и директорам школ в повышении успеваемости учащихся и укреплении дисциплины. Среди неуспевающих много комсомольцев и пионеров. Например, в школах Онтгинского и Воспинемского районов. Пионерской организацией учащихся для поднятия авангардной роли комсомольцев в учебе. Не оказывают серьезного влияния на улучшение работы школьных организаций ВЛКСМ учителя-комсомольцы.

Много принимал решений об улучшении руководства работой школьных комсомольских организаций обком ВЛКСМ, но эти решения остались на бумаге.

Анализируя недостатки в физической подготовке школьников и внутрисоюзной работе комсомольских организаций и среди пионеров, тов. Меева указывает пути улучшения деятельности комсомольских и пионерских организаций, повышения их роли в борьбе за высокую успеваемость, дисциплину и воспитание подрастающего поколения в духе советского патриотизма.

В прениях по докладу тов. Меевой первым выступил секретарь Кубено-Озерского райкома ВЛКСМ тов. **Горбунов**. Он привел факты непродуманного подхода областного управления кинофикации к планированию и рассылке передвижных кинофильмов в районы. Не единичны случаи, когда на детских сеансах показывают анекдотичные, совершенно не рассчитанные школьникам.

— Решающей силой в борьбе за глубокие и прочные знания учащихся являются школьные комсомольские организации,—сказал в своем выступлении секретарь комсомольской организации Грязовецкой средней школы **Молодинков**.— Но ни райком, ни обком комсомола не направляют их деятельность. Учебы с секретарями классных комсомольских организаций не проводится, литературы по этому вопросу нет. Работники обкома в школу заглядывают редко.

5 марта 1952 г.

ДО СРОКА ВЫПОЛНЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ОСТАЛОСЬ 36 ДНЕЙ

СОЛАЛСЯ НА ЛЕСОЗАГОТОВКИ

Товарищи, электропилы, лебедчики, водители машин, мастера леса!

Мобилизуйте все свои силы, знания и опыт на досрочное завершение сезонного плана.

По-боевому выполняйте обязательства, данные в письме товарищу Сталину

☆ ☆ ☆

Рекорд раскряжевщика Евстюхина

КАДУЙ, 4 марта. Электропильщик Марыгинского лесоучастка Василий Евстюхин, работая раскряжевщиком хлыстов, решил ежедневно повышать производительность труда путем более полного использования техники и уплотнения рабочего дня.

В конце февраля, став на стахановскую вахту в честь сессии Верховного Совета СССР, стахановец Евстюхин не ходил на лесосеку, не выполнив за смену двух норм.

В ночь на 27 февраля он поставил рекорд—раскряжевал за смену 60 кубометров древесины. Это по норме.

Свой успех он решил закрепить в марте. Крепко дорожа своим словом, 1 марта Евстюхин добился нового рекорда, раскряжевав за смену сверх 94 кубометра леса! В период ударного месячника он обязался не снижать этих темпов и постоянно повышать выработку. Его примеру последовал вальщик леса моторист электропилы Иван Мелин, заготовав за смену по 30 кубометров древесины при норме 15.

И. РУССКИХ.

☆

Растет производительность труда

ОШТА. (По телефону). Лучший тракторист Оштинского лесопромхоза тов. Васьхин в дни подготовки к ударному месячнику трелевал по 50 кубометров леса в день при норме 32. Поточная линия мастера леса Климова, где работает тракторист, систематически перевыполняет задание и является передовой среди других потоков.

Есть цепные лесоучастки, например, Ярославский, где мастера не увеличившейся производительности труда вывозка древесины возросла на 25 процентов.

Чтобы помочь лесозаготовителям выполнить свои обязательства, руководители района выделили для лесоучастков с гужевой вывозкой древесины 20 лошадей. На Мегорском участке все поточные линии перебазировались в новые лесосеки с тем, чтобы больше не производить перебазировки до конца сезона. Для ударного месячника лесозаготовители отремонтировали все электропилы и буксиры для тракторов КТ-12.

Вывозим древесину трелевочными тракторами

Еще в третьем квартале прошлого года Белозерский лесопромхоз начал внедрять вывозку древесины трелевочными тракторами. Прежде всего в мастерских Кунчевской запани было заказано 25 комплектов облегченных тракторных саней. Одновременно инженеры начали изыскания и прокладку тракторной дороги на четыре километра в разворотных мольцевых дорог на верхних складах. Управляли разделочные площадки и сушилки для газочурки.

К декабрю все подготовка закончилась. Но Конечбоскова поточная линия мастера леса Кожарина приступила к работе в две смены с конечной базой производства—вывозкой леса на нижний склад.

Как идет дело в поточке? В первой смене работает 48 человек и четыре трелевочных трактора, во второй смене—10 рабочих и два трактора. 58 человек (включая трактористов), выполняя все операции, ежедневно дают по 120 кубометров леса.

Подвижной состав подается тракторами к 8 часам утра. Хлысты, выбранные на лесосеке трактористами, раскряжевщики раздельывают и тут же грузят на сани. Нагруженные комплекты тракторы отводят в сторону, а на их место ставят порожняк. Таким порядком идет работа в течение всей смены. В конце же трактору для этих трелевочных тракторов попутным рейсом везут груженые составы на нижний склад.

Такой состав состоит из трех санных прицепов, на прицеп грузится 5—6 кубометров лесоматериала, четыре тракторных состава, приведенные на нижний склад, вмещают кубометров 60—70. Тракторы, отправляющиеся в поточную смену, также берут с собой порожний подвижной состав и устаёвливают его под погрузку оставшегося лесоматериала от дневной смены. За вторую смену два трактора проделывают два рейса на нижний склад и привозят 60—70 кубометров.

Т. МЯКИЧЕВ,
старший инженер Белозерского лесопромхоза.

Наш опыт работы

Наша поточная линия на 75 дней раньше срока выполнила сезонный план лесозаготовок. Коллектив поток дал слово—заготовить для великих строек коммунизма до конца сезона еще 14 тысяч кубометров древесины. Это обязательство мы выполняем.

Высокая производительность труда на нашей поточной линии не есть результат стечения благоприятных обстоятельств. Наоборот, работаем мы в таких условиях, которые никак не назовешь хорошими. Лес—мелкий. Втором шции крупным загрязнены или являются незамерзшие болота, что затрудняет механизированную трелевку.

Чего мы начали борьбу за план?

Первым делом организовали двусменную работу. Валку леса и очистку сучьев производим только днем, трелевку трелевщик, раскряжевку в штабелевку—днем и ночью. Разрабатываем делянки двухпасечной системой, избегаем больших осенних и весенних дождей.

Технологической картой лесопромхоза, составленной для первой делянки квартала № 291, была предусмотрена только одна раделочная площадка. Автор этой карты учитывал лишь одно обстоятельство: устройство верхнего склада возле лесной автотрассы. Поэтому разделочную площадку он вынес метров на 50 за пределы делянки. Но тому, что делянка имеет стороны от 400 до 750 метров, он не придал значения. А между тем это было особенно важно: при наличии одной площадочной площадки на лесной дороге трелевка начиналась бы с расстояния почти сто метров, с последующим удлинением волока до 600—700 метров.

Установив двухпасечную систему, мы отказались от схемы, предложенной нам технологической картой. Вместо одной разделочной площадки построили четыре, что сократило расстояние трелевки больше чем вдвое. Внимательно продумали количественный состав бригады и расстановку рабочей силы.

Главным условием успеха на поточной линии является бесперебойная работа всех звеньев технологической цепочки дня до штабеля. Чтобы выполнить это требование, мы пошли на некоторые коренные данных нам организационных разработок.

По техническим нормам для выработки 31 кубометра на электропилу предусматривается на валке 4 трактора с пилой и его помощника. На 31 кубометр на одну электропилу нас не устраивает, при такой выработке мы не обеспечили бы полного выполнения своего социалистического обязательства, но даже и основного плана. Поэтому в звено вальщиков мы добавили еще одного человека, что обеспечивало мотористу возможность работать только по прямой специальности. При такой организации труда звено вальщиков стало давать не 62 кубометра за смену, а перевыполняло 90 кубометров и больше.

Были созданы две комплексные бригады—П. С. Петухова и А. А. Чурбанова. В них трудились 61 человек. Бригада располагает шестью электропилами, на каждой четырнадцать вальщиков и по-прежнему раскряжевщик в две смены. На трелевке всегда работают два трактора в две смены, на погрузке дрова-сани грузятся автомашины—четыре автоплетрокран. Одна бригада валит и очищает хлысты от сучьев в дневной смены, а вторая—для поточной.

В задачи каждого звена вальщиков входит не только обеспечить хлыстами бесперебойную работу трактора в течение смены, но и создать запас бочек с необубленной кроной на утро, чтобы не было простоев у обрубщиков и трактористов. Вальщики выполняют возложенную поручению работу. Но часто нас сдерживает обрубка сучьев.

Вот почему, когда наиболее трудоемкие участки не справляются с работой и задерживают потоки, мы маневрируем. Бригады обрубщиков на лесосеке, имеющие опыт на любой работе, хорошо знающих требования техники безопасности.

Возьмем в качестве примера один день. Почью трелевку производила бригада тов. Петухова. На ее пасеке скопился большой запас хлыстов. Надо было использовать этим и подвезти хлысты на площадку полностью. Тракторы исправны, трактористы—опытные, водители Анхимов и Капустин. Они имели полную возможность дать высокую производительность. Но была опасность, что не справится бригада на площадке. Чтобы не создать «пробку», на штабелевку леса дополнительно выставили двух человек. В эту смену бригадир распределял, раскряжевывал и уложено в штабели 112 кубометров. Тракторист Анхимов стрелевал 70 кубометров, а Капустин —42 кубометра.

Раньше обрубка сучьев у нас производилась скопом и заработок делился поровну между всеми. Это снижало заинтересованность обрубщиков и отрицательно сказывалось на производительности труда. Теперь мы ввели индивидуальную сдельщину. Для учета труда каждый обрубщик на обработанном им участке ставит свою помету. Учетчик на разделочной площадке по этим пометкам ведет счет выработки обрубщика. Это значительно повысило производительность труда обрубщиков сучьев и увеличило их заработки.

Известно, что самую высокую выработку рабочие дают в первые часы смены, до обеда. Использовали мы и это обстоятельство. Стали создавать необходимый переходящий запас древесины на утро. Если до сегодняшнего дня индивидуальщины обрубщики первый час проводили преимущественно у костра, ожидая, когда на пасеке скопятся хлысты, то сейчас они трудятся, чтобы работа у них не опоздала с первой же минуты их прихода на делянку. И это справедливое требование мы выполняем.

В бригадах тт. Петухова и Чурбанова работает по 14 обрубщиков сучьев. По установленной норме каждый из обрубщиков должен подготовить 5,6 кубометра хлыстов, что составляет в смену 78,4 кубометра. Фактически в каждой бригаде обрубщики дают до 93 кубометров.

Использование третьего человека на валке леса мы практикуем только в период глубокого снежного покрова. Однако звено вальщиков, состоящее из трех человек, в любое время способствует в любую пору года. Это позволило бы использовать электропилу с минимальной загрузкой. Правда, при этой загрузке люди бы дежжать запасные электропилы, что не является, конечно, проблемой. А эффект—огромный.

Бесперебойность звеньев по-точной линии требует, чтобы мастер потока проявлял больше инициативы и находчивости, а главное—не отрывали бы его на второстепенные работы. Высокопроизводительная работа поточных линий возможна в любых условиях.

А. МОСКВИН
мастер поточной линии Шекснинского лесопромхоза.

Недостатки устраняют медленно

По тракторной дороге Гуснцал, Никольского лесопромхоза, плохо организована вывозка древесины. Водители тракторов С-80 тт. Шамаков, Попов и Ряпуков ленятся:

— Обеспечьте погрузку, и мы будем возить большегрузные составы.

Но мощные тракторы из-за отсутствия погрузки на нижнем складе уходят в рейс с неполными возами. На погрузке все работы производятся вручную. Грузчиками работают разные люди, число их ежедневно меняется, труд учитывается плохо, платят по расценкам. Естественно, что при таких порядках люди неохотно идут на погрузку.

Плохо организован труд и на трелевке древесины. На поточной делянке леса Ежедневной бригады, обслуживающая лебедку № 2, работает в день только по 5—6 часов. Выработка едва достигает 0,6 кубометра на 0,8 кубометра на человека, при плановой норме 2,9. Немного лучше показатели и у бригады, обслуживающей лебедку № 1. Бригады не загружены в течение смены, потому что выход на работу производится с опозданием.

Мастер Чегодаев расставляет людей несовершенно и неправильно. Трелевочные волока подготовлены плохо, захламлены. А один из волоков имеет даже заворотливые, где лесины задерживаются пачки хлыстов. Очень часто по вине лебедчиков выходит из строя лебедка и трого-бочная стрела. Техуход и профилактический ремонт не проводятся. Дело дошло до того, что лебедчики, уходя со смены, не передают своим сменщикам, не ожидая его. Таким образом, заступающий на смену лебедчик знает неисправности механизма.

Ремонт механизмов обычно затягивается. Кулаковскую муфту, например, ремонтировали в течение полумесяца, когда для этого положено лишь 5—6 часов.

Недостатки, вскрытые работниками бригадой, обсуждены на открытом партийном собрании. Но выправляются они еще очень медленно. Руководители лесоучастка не перенуждаются в помощниках тов. Гомзиков, должны энергичнее осуществлять предложения рейдовой бригады, особенно в отношении поточной линии мастера Чегодаева. А механизаторам лесоучастка надо равняться на водителей тракторов С-80 тт. Шамакова, Попова, Рыякова и других, которые честно выполняют свои обязательства.

И. С. ШУХТИН, А. А. БУТАКОВ.

СООБЩЕНИЕ

Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных Львовских офицеров

Постановлением Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников была создана Специальная Комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров.

В состав Комиссии вошли: член Чрезвычайной Государственной Комиссии академик **Н. Н. Бурденко**, председатель Чрезвычайной Государственной Комиссии академик **Алексей Толстой**, член Чрезвычайной Государственной Комиссии, председатель Всесланвинского Комитета генерал-лейтенант **Козлов А. С.**; председатель Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца **Кисселев С. А.**, Народный Комиссар просвещения РСФСР **Бубнов Потемкин В. П.**, начальник Главного Военно-Санитарного Управления Красной Армии генерал-лейтенант медицинской **Е. И.** председатель Смоленского облисполкома **Малыщков Р. Е.**

Для выполнения поставленной перед ним задачи Комиссия привлекла для участия в своей работе следующих судебно-медицинских экспертов: профессор судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР директора Научно-исследовательского института судебной медицины **Прозоровского Н. И.**, заведующего кафедрой судебной медицины 2-го Московского медицинского института доктора наук **Пионтковского А. А.**, **Смолянинова М.**, ст. научного сотрудника Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР **Лежнева Н. Д.**, ст. научного сотрудника Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР доцента **Шайкову М. Д.**, ст. патолога фронта майора медицинской службы профессора **Выропаева Д. Н.**

В распоряжении Специальной Комиссии находился обширный материал, представленный членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком **Н. Н. Бурденко**, материалами и судебно-медицинскими экспертами, которые прибыли в гор. Смоленск 26 сентября 1943 года, немедленно после его освобождения и произвели предварительное изучение и расследование обстоятельств всех учиненных немцами злодеяний.

Специальная Комиссия проверила и установила на месте, что на 15-ом километре от гор. Смоленска по Рославльскому шоссе в районе Катынского леса, именуемом «Козьи Горы», в 200-х метрах от шоссе на юго-запад по направлению к Гнезду, находятся могилы, в которых зарыты военнопленные поляки, расстрелянные немецкими оккупантами.

По распоряжению Специальной Комиссии и в присутствии всех членов Специальной Комиссии и судебно-медицинских экспертов могилы были вскрыты. В могилах обнаружено большое количество трупов в польском военном обмундировании, которые подвергнуты по подсчету судебно-медицинских экспертов достигает 11 тысяч.

Судебно-медицинские эксперты произвели подробное исследование извлеченных трупов и тех документов и вещественных доказательств, которые были обнаружены на трупах и в могилах.

Одновременно со вскрытием могил и исследованием трупов Специальная Комиссия произвела опрос многочисленных свидетелей из местного населения, показаниями которых точно устанавливаются время и обстоятельства преступлений, совершенных немецкими оккупантами.

Из показаний свидетелей выясняется следующее:

Облавы на польских военнопленных

Наличие военнопленных поляков осенью 1941 г. в районах Смоленска установлено также фактом проведения немцами многочисленных облав на этих военнопленных, бежавших из лагерей.

Свидетель **Кертошкин И. М.**, плотник, показал:

«Военнопленных поляков осенью 1941 г. немцы искали не только в домах, но и прибегали полиции для ночных обысков в деревнях».

Бывший гор. Вязьмы **Батеки Захаров М. Д.** показал, что осенью 1941 г. немцы усиленно «прочесывали» деревни и леса в поисках польских военнопленных.

Свидетель **Даниленков Н. В.**, крестьянин колхоза «Красная Заря», показал:

«У нас производились специальные облавы по розыску бежавших из-под стражи военнопленных поляков. Также обыски два или три раза были в моем доме. После одного обыска я спросил старосту Сергеева Константина-кого ищут в нашей деревне. **Сергеев** сказал, что прибыл приказ из немецкой комендатуры, по которому во всех без исключения домах должен быть произведен обыск, так как в нашей деревне скрываются военнопленные поляки, бежавшие из лагеря. Через некоторое время обыски прекратились».

Свидетель **Фатьков Т. Е.**, колхозник, показал:

«Облавы по розыску пленных поляков производились несколько раз. Это было в августе — сентябре 1941 года. После сентября 1941 г. такие облавы прекратились и больше никто польских военнопленных не видел».

Расстрелы военнопленных поляков

Упомянутый выше «Штаб 537 строительного батальона», прибывший на даче в «Козьих Горах», не производил никаких строительных работ. Деятельность его была тщательно замаскирована.

Чем на самом деле занимался этот «штаб», показали многие свидетели, в том числе свидетельницы **Данилкина А. М.**, **Михайлова О. А.** и **Конаховская З. П.**—жительницы гор. Борок Катынского с/с.

По распоряжению немецкого коменданта поселка Катынь они были направлены старостой деревни Борок—**Соловьевым В. М.** для работы по обслуживанию личного состава «штаба» на упомянутой даче.

По прибытии в «Козьи Горы» им чтобы получить пропуск был поставлен ряд ограничений: было запрещено вовсе удаляться от дачи и ходить в лес, заходить без вызова и без сопровождающего лица дальше в комнаты дачи, оставаться в расположении дачи в ночное время. Приходить и уходить на работу разрешалось по строго определенному пути и только в сопровождении солдат.

Это приглашение было сделано **Алексеевой, Михайловой и Конаховской** через переводчика непосредственно самим начальником женского учреждения, обер-лейтенантом **Ариесом**, который для этой цели поодиночке вызывал их к себе.

По вопросу о личном составе «штаба» Алексеева А. М. показала:

«На даче в «Козьих Горах» постоянно находилось около 30 немцев, старшим у них был обер-лейтенант **Ариес**, его адъютантом являлся обер-лейтенант **Ротт**. Там находились также лейтенант Хотт, вахмистр Люмерт, унтер-офицер по хозяйственным делам Розе, ефрейторы Ниник и Шнеке, обер-ефрейтер Гренеевский, ведавший электростанцией, фотограф обер-ефрейтор, фамилии которого я не помню, переводчик из Немцев-Поволжья, имя его кажется Иоганн, но мы его называли Иваном, второго переводчика звали Густав и ряд других, фамилии и имена которых мне неизвестны».

Вскоре после своего поступления на работу **Данилкина, Михайлова** и **Конаховская** стали замечать, что на даче совершаются «какие-то темные дела».

Алексеева А. М. показала:

«...Переводчик Иоганн, от имени **Ариеса**, нас несколько раз предупреждал о том, что мы должны «держать язык за зубами» и не болтать о том, что видим и слышим на даче.

Кроме того, в ряде целому ряду моментов догадывалась, что на этой даче немцы творят какие-то темные дела...

В конце января и большую часть сентября месяца 1941 года на дачу в «Козьи Горы» почти ежедневно приезжало несколько грузовых машин.

Сначала я не обратила на это внимания, но потом заметила, что всякий раз, когда из территории дачи отъезжали эти машины, они предварительно на полчаса, а то и на целый час, останавливались на шоссе, на проселочной дороге, ведущей от шоссе к даче.

Я сделала такой вывод потому, что эти машины через некоторое время после заезда их на территорию дачи утихал. Одновременно с прекращением шума машин начинала слышна стрельба. Выстрелы следовали один за другим через короткие, но, примерно, одинаковые промежутки времени. Затем стрельба стихала и машины подъезжали к самой даче.

На машин заезжали немецкие солдаты и унтер-офицеры. Шумно разговаривая между собой, они шли мыться в баню, после чего выезжали. Баня в эти дни всегда топилась.

В дни приезда машин на дачу прибывали дополнительно солдаты на какой-то немецкой воинской части. Для них специально ставились койки в помещении солдатского казино, функционировавшего в одной из дач. В эти дни на кухне готовилось большое количество обедов и к ужину подавалась усиленная порция спиртных напитков.

Незадолго до прибытия машин на дачу или вскоре после ужина уходили в лес, очевидно к месту отхожения машин, так как через полчаса или через несколько минут после ужина, машинах вместе с солдатами, постоянно жившими на даче.

Я, вероятно, не стала бы наблюдать и не заметила бы, как затихает и возобновляется шум прибывающих на дачу машин, если бы каждый раз, когда тревожали машины, мне (жене, Конаховской **Ивановой**) не запрещали выходить из своей комнаты».

Свидетель **Кертошкин И. М.**, плотник, показал:

«Военнопленных поляков осенью 1941 г. немцы искали не только в домах, но и прибегали полиции для ночных обысков в деревнях».

Бывший гор. Вязьмы **Батеки Захаров М. Д.** показал, что осенью 1941 г. немцы усиленно «прочесывали» деревни и леса в поисках польских военнопленных.

Свидетель **Даниленков Н. В.**, крестьянин колхоза «Красная Заря», показал:

«У нас производились специальные облавы по розыску бежавших из-под стражи военнопленных поляков. Также обыски два или три раза были в моем доме. После одного обыска я спросил старосту **Сергеева** Константина-кого ищут в нашей деревне. **Сергеев** сказал, что прибыл приказ из немецкой комендатуры, по которому во всех без исключения домах должен быть произведен обыск, так как в нашей деревне скрываются военнопленные поляки, бежавшие из лагеря. Через некоторое время обыски прекратились».

Свидетель **Фатьков Т. Е.**, колхозник, показал:

«Облавы по розыску пленных поляков производились несколько раз. Это было в августе — сентябре 1941 года. После сентября 1941 г. такие облавы прекратились и больше никто польских военнопленных не видел».

Расстрелы военнопленных поляков

Данилкина А. М. показала:

«Однажды, как обычно, я и **Конаховская** работали на кухне и услышали недалеко от дачи грохот. Выйдя за дверь, мы увидели двух военнопленных поляков, окруженных немецкими солдатами, что-то разъяснявшим унтер-офицером Розе, затем к ним подошел обер-лейтенант **Ариес** и что-то сказал **Розе**. Мы спрятались в сторону, так как боялись, что проговорившись по поводу Розе нас изобьет. Но нас все-таки заметили, и нехаким **Глинеевским**, по знаку **Розе**, загнал в свою кухню, а затем повел в сторону от дачи. Через несколько минут мы услышали выстрелы. Вернувшись в кухню немецкие солдаты и унтер-офицер **Розе** оживленно разговаривали. Я и **Конаховская**, желая выяснить судьбу этих двух людей, с задержанными поляками, спешили на улицу. Одновременно с нами выбежал через главный вход в дачу адъютант **Ариеса** по-немецки что-то спросил **Розе**, на что последний также по-немецки ответил: «Все в порядке». Эти слова я поняла, так как их немцы часто употребляли в разговорах между собой. Из всего происшедшего я заключила, что эти два адъютанта расстреляны».

Аналогичные показания по этому вопросу дала также **Конаховская З. П.**:

Напуганные тем, что происходило на даче, **Алексеева, Михайлова** и **Конаховская** решили под каким-нибудь удобным предлогом бросить работу на даче. Воспользовавшись снижением им «зарплаты» с 9 марок до 3-х марок в месяц, они перешли на работу по предложению **Михайловой**, они не вышли на работу. За ними в тот же день вечером приехали на машине немецкие солдаты и, не выпуская посадили в холодную—**Михайлову** на 3 суток, а **Алексеевну** и **Конаховскую** на 3-е суток.

Из-за этого, как они сообщили спустя срок, их всех уволили.

За время своей работы на даче **Алексеева, Михайлова** и **Конаховская** боялись делиться друг с другом своими наблюдениями обо всем том, что на даче происходило. Лишь будучи арестованными, сидя в холодной, ночью они поделились об этом.

Михайлова на допросе от 24 декабря 1943 г. показала:

«Здесь мы впервые потворили откровенно о том, что делается на даче. Я рассказала все, что знала. Я и **Алексеева** и **Конаховская** также знали все эти факты, но тоже, как и я, боялись говорить мне об этом. Я же все у гонала о том, что немцы в «Козьих Горах» расстреливали именно польских военнопленных, так как **Алексеева** рассказала, что она однажды осенью 1941 года шла с работы и лично видела, как немцы расстреливали в лес «Козьи Горы» большую группу военнопленных поляков, а затем слышала в этом месте стрельбу».

Аналогичные показания об этом дали также **Алексеева** и **Конаховская**.

Сопоставив свои наблюдения, **Алексеева, Михайлова** и **Конаховская** пришли к твердому убеждению, что в «Козьих Горах» в сентябре 1941 года на даче в «Козьих Горах» немцами производились массовые расстрелы военнопленных поляков.

Показания **Алексеевой** подтверждаются показаниями ее отца — **Алексеева Михаила**, которому она еще в период стрельбы на даче осенью 1941 года рассказывала о своих наблюдениях по поводу творимых на даче дел. Он показал:

«Она мне долго ничего не говорила»,—показал **Алексеев Михаил**,—«только приходя домой выкладывала, что на даче творятся страшно и она не знает, как ей отуда вырваться. Когда я ее спрашивал, почему ей страшно, она говорила, что в лесу очень часто слышится стрельба. Однажды придя домой, она сказала мне по секрету, что в лесу «Козьи Горы» немцы расстреливают поляков. Выслушав дочь, я ее очень строго предупредил, чтобы она никому об этом не рассказывала, иначе узнают немцы и пострадает вся наша семья».

Показания о расстреле на «Козьи Горы» военнопленных поляков небольшими группами в 20—30 человек, под охраной 5—7 немецких солдат, дали в ходе следствия допрошенные Специальной Комиссией: Киселев П. Г.—неестьвяжин хутора «Новые Горы», **Кривозарцев** Ив. Ив.—бывший станции Гнездово и Катынского леса, **Иванов С. В.**—быв. нач. ст. Гнездово в районе Катынского леса, **Сливаева** Ив. В.—дежурный по ст. Гнездово станции, Алексеев-А. М.—председатель колхоза дер. Борок, **Оглобли** Ал. П.—сын сельского старосты и другие.

Эти свидетели слышали и выстрелы, раздававшиеся из леса на «Козьих Горах».

Особенно важное значение для выяснения того, что происходило на даче в «Козьих Горах» осенью 1941 г., имеют показания профессора астрономии, директора обсерватории в Смоленске—**Базилевского В. П.**

Профессор **Базилевский** в первые дни оккупации немцами Смоленска был насильно назначен ими на должность городского голоса, а начальником города был назначен немцами адвокат **Меньшагин**, В. П., впоследствии ушедший вместе с ними, предавшим пользовавшийся особым доверием у немецкого командования и в частности у коменданта Смоленска фон-**Шведа**.

В начале сентября 1941 г. **Базилевский** обратился с просьбой к **Меньшагину** ходатайствовать перед комендантом фон-**Швед** об освобождении из лагеря военнопленных № 126 педагога **Жилинского**. Выполняя эту просьбу, **Меньшагин** обратился к фон-**Шведу**, и, затем, передал **Базилевскому**, что его просьба может быть удовлетворена, так как по словам фон-**Шведа** «получена директива из Берлина, предписывающая неукоснительно проводить самый мягкий режим в отношении военнопленных, не допуская никаких послаблений в этом вопросе».

«Я немного подумал,—показал свидетель **Базилевский**,—«что же может быть жестче существующего в лагере режима?» **Меньшагин** стрелял посмотрел на меня и, наклонившись ко мне, тихо ответил: «Может быть проводить самый жестокий режим, будучи сыном у него на прицеле, не удержался и спросил: «Что слышно о пленных? **Меньшагин** помедлил, а потом все же ответил: «С ними уже покончено. Фон-**Шведа** сказал мне, что они расстреляны где-то недалеко от Смоленска».

«Видя мою растерянность, **Меньшагин** сказал предупреждая меня о необходимости держать это дело в строжайшем секрете и затем стал «объяснять» мне лишнее неудобство от этого вопроса. Он сказал, что расстрел поляков является звеном в общей цепи проводимой Гитлеровской оккупантами политики, особенно обостряющейся в связи с заключением русско-польского договора».

Базилевский также рассказал Специальной Комиссии о своей беседе с шофер-фюрером 7-го отдела немецкой комендатуры **Гирштейн-дом**—прибалтийским немцем, хорошо говорящим по-русски:

«**Гиршфельд** с циничной откровенностью сообщил мне, что исторически доказана вредность поляков и их неполноценность, а потому уничтожение населения Польши послужит удобрением почвы и создаст возможность для расширения жизненного пространства германцев. В этой связи **Гиршфельд** с бахвальством рассказал, что в Польше интеллигенции не осталось совершенно, что как она, повещена, расстреляна и заключена в лагерях».

Показания **Базилевского** подтверждены опрошенным Специальной Комиссией свидетелем—профессором физики **Ефимовым И. Е.**, которому **Базилевский** еще осенью 1941 г. рассказал о своем разговоре с **Меньшагиным**.

Документальным подтверждением показаний **Базилевского** и **Ефимова** являются собственноручные записи **Меньшагина**, сделанные им в своем дневнике.

Этот дневник, содержащий в себе 17 неполных страниц, был обнаружен в делах Городского Управления Смоленска после его освобождения Красной Армией.

Принадлежность указанного дневника **Меньшагину** и его почерк удостоверены как показания **Базилевского**, хорошо знающего почерк **Меньшагина**, так и графологической экспертизой.

Суда на отмеченной в дневнике датам, его содержание относится к периоду от первых дней августа 1941 года до ноября того же года. В нем имеются записи о разных хозяйственным вопросам (о дровах, об электроэнергии, торговые дела, проч.) имеется ряд записей, касающихся военнопленных, очевидно, для памяти, как указания немецкой комендатуры Смоленска.

Из этих записей достаточно четко вырисовывается круг вопросов, которыми занималось Управление города, как орган, выполняющий все указания немецкого командования.

На первых трех страницах дневника подробно изложены порядок и инструкции немецкой тайной системы репрессий, которые должны к евреям применяться.

На странице 10-ой, помеченной 15 апреля 1941 года, значится:

«Всех бежавших поляков военнопленных задерживать и доставлять в комендатуру».

На странице 15-ой (без даты) записано:

«Ходят по среди населения слухи, что расстреляны польские военнопленные в Коз. горн. (Умнову)».

Из первой записи явствует, что примерно 15 апреля 1941 года военнопленные поляки еще находились в районе Смоленска и, вторых, что они арестовывались немецкой полицией.

Вторая запись свидетельствует о том, что немецкое командование, обеспокоенное распространением слухов о совершенном им преступлении в среду гражданского населения, специально дает распоряжение о проверке этого слуха предложения.

Умнов, который упоминается в записи, был начальником русской полиции в первые месяцы его оккупации.

Возникновение немецкой провокации

Зимой 1942—43 гг. общая военная обстановка резко изменилась в не в пользу немцев. Военная мощь Германии Гитлера все ниспадала, единение СССР с союзниками крепло. Немцы решили пойти на провокацию, использовав для этой цели злодеяния, совершенные ими в Катынском лесу, и приписав их органам Советской власти. Этим они рассчитывали сорвать планы поляков и замести следы своего преступления.

Священник села Куприно Смоленского р-на **А. П. Оглоблин** показал:

«...После Сталинградских событий, когда немцы почувствовали неудовлетворенность, они ли это дело. Среди населения пошли разговоры, что «немцы свои дела поправляют».

Приурочив к годовщине катынской провокации, немцы, в первую очередь, занялись поисками «свидетелей», которые могли бы под воздействием угроз подкупа или угроз дать нужные немцам показания.

Внимание немцев привлек проживавший на своем хуторе ближе всех к даче в «Козьих Горах» крестьянин **Киселев Парфен Гаврилович**, 1870 года рождения.

Киселева вызвали в гестапо еще в конце 1942 года и, угрожая репрессиями, требовали от него дать нужные показания о том, что ему, якобы, известно, как осенью 1940 года большевики на даче УНКВД в «Козьих Горах» расстреляли военнопленных поляков.

Об этом Киселев показал:

«Осенью 1942 года ко мне домой пришли немецкие офицеры и предложили явиться в гестапо на станцию Гнездово. В то же день я пошел в гестапо, которое помещалось в двухэтажном доме рядом с железнодорожной станцией. В комнате, куда я зашел, находились немецкий офицер и переводчик. Немецкий офицер, через переводчика, стал расспрашивать меня—давно ли я проживаю в этом районе, чем занимаюсь и какое мое материальное положение.

Я рассказал ему, что проживаю на хуторе в районе «Козьих Гор» с 1907 года и работаю в своем хозяйстве. О своем материальном положении, если, что приходится испытывать трудности, так как сам я в преклонном возрасте, а сыновья на войне.

После непродолжительного разговора на эту тему, офицер заявил, что по имеющимся в гестапо сведениям, сотрудники НКВД в 1940 году в Катынском лесу на участке «Козьих Гор» расстреляли польских офицеров, и спросил меня по этому поводу показания. Я ответил, что вообще никогда не слыхал, чтобы НКВД расстреливали в районе «Козьих Горах». Да и вряд ли это возможно, объяснил я офицеру, так как «Козьи Горы» совершенно открытое населенное место и, если бы там расстреливали, то об этом бы знало все население ближлежащих деревень.

Офицер ответил мне, что я все же должен дать такие показания, так как это, якобы, имеется факт. Да эти показания мне было обещано большое вознаграждение.

Я снова заявил офицеру, что никогда в расстрелах не знаю и что этого вообще не могло быть до войны в нашей местности. Несмотря на это, офицер настаивал, чтобы я дал ложные показания.

После первого разговора, в котором я отказался, меня еще вторично вызвали в гестапо лишь в феврале 1943 года. К этому времени мне было известно о том, что в гестапо вызывались и другие жители окрестных деревень и что от них также требовали такие показания, как и от меня.

В гестапо тот же офицер и переводчик, у которых я был на первом допросе, опять требовали от меня, чтобы я дал показания о том, что являлся очевидцем расстрела польских офицеров, произведенного, якобы, НКВД в 1940 г. Я снова заявил офицеру гестапо, что это ложь, так как до войны ни о каких расстрелах мне не слышал и что ложных показаний давать не стану. Но переводчик не стал меня слушать, взял со стола какой-то лист бумаги, документ и прочитал его. В нем было сказано, что я, **Киселев**, проживая на хуторе в районе «Козьих Гор» на даче в 1940 году сотрудники НКВД расстреливали польских офицеров. Прочитав этот документ, переводчик предложил мне его подписать. Я отказался это сделать. Тогда переводчик стал пугать меня тем, что если я не подпишу, то меня расстреляют. «Или вы сейчас же подпишете, или мы вас уничтожим. Выбирайте!»

Испугавшись угроз, я подписал этот документ, решив, что на этом дело кончится».

В дальнейшем, после того как немцы организовали посещение

(Продолжение на 4-й стр.).

Катынский лес

Издавна Катынский лес был любимым местом, где население проводило праздничный отдых. Окружение население около сжот в Катынском лесу и заготовляло для себя топливо. Никаких запретов на свободный доступ в Катынский лес не существовало.

Такое положение в Катынском лесу существовало до войны. Еще летом 1941 г. в этом лесу находился пионерский лагерь Смоленскаысы, который был вывезен в июле 1941 г.

С захватом Смоленска немецкими оккупантами в Катынском лесу был установлен совершенно иной режим. Лес стал охраняться усиленными патрулями; во многих местах появились надписи, предупреждавшие, что лица, входящие в лес без особого пропуска, подлежат расстрелу на месте.

Особенно строго охранялась часть Катынского леса, которая именовалась «Козьи Горы», а также территория на берегу Днепра, где находились дачи, которыми в ней. Еще летом 1941 г. в этом лесу находился пионерский лагерь Смоленскаысы, который был вывезен в июле 1941 г.

С захватом Смоленска немецкими оккупантами в Катынском лесу был установлен совершенно иной

Военнопленные поляки в районе Смоленска

Специальной Комиссией установлено, что до захвата немецкими оккупантами Смоленска в западных районах области на строительстве оборонительных работах работали польские военнопленные офицеры и солдаты. Размещены они были в трех лагерях особого назначения, именовавшихся: лагери № 1-ОН, № 2-ОН и № 3-ОН, на расстоянии от 25 до 45 км. на запад от Смоленска.

Показаниями свидетелей и документальными материалами установлено, что после начала войны действий, в силу сложившейся обстановки, лагери не могли быть своевременно эвакуированы, а все военнопленные поляки, в числе часть охраны и сотрудников лагерей попали в плен к немцам.

Допрошенный Специальной Комиссией бывш. нач. лагеря № 1-ОН лейтенант государственной безопасности **Ветошников В. М.** показал:

«...Я ожидал приказа о ликвидации лагеря, но связь со Смоленском прервалась. Тогда я сам с несколькими сотрудниками выехал в Смоленск для выяснения обстановки. В Смоленске я застал напряженное положение. Я обратился к начальникам Смоленского участка Западной ж. д. Последнему с просьбой обеспечить лагерь вагонами для вывоза военнопленных поляков. Но т. **Иванов** ответил, что в ближайшее время получение вагонов я не могу. Я пытался связаться также с Москвой для получения разрешения, но данных вышеин порядком, но мне это не удалось.

К этому времени Смоленск уже был отрезан немцами от лагеря и что стало с военнопленными поляками и оставшейся в лагере охраной я не знаю.

Замещавший в июле 1941 г. начальника движения Смоленского участка Западной ж. д. инженер **Кавалер С. В.** показал Специальной Комиссии:

«Ко мне в отделение обращалась администрация лагерей для польских военнопленных, с просьбой получить вагоны для отправки поляков, но свободных вагонов у нас не было. Помимо того, подать вагоны на трассу Гнездово, где было больше всего военнопленных поляков, мы не могли, так как эта дорога уже находилась под обстрелом. Поэтому мы не могли выполнить просьб администрации лагерей. Таким образом, военнопленные поляки остались в Смоленской области».

Нахождение польских военнопленных в лагерях Смоленской области подтверждается показаниями многочисленных свидетелей, которые видели этих поляков близ Смоленска в первые месяцы оккупации до сентября м-ца 1941 г. включительно.

Свидетельница **Сашнева** Мария Александровна, дер. Зеньково, показала Специальной Комиссии о том, что в августе м-це 1941 г. она проживала у себя в доме в дер. Зеньково бежавшего из лагеря военнопленного поляка:

«...Поляк был в польской военной форме, которую я сразу узнала по ней. В течение 1940—41 г.г. видела на шоссе группы военнопленных поляков, которые под конвоем вели какие-то работы на шоссе... Поляк меня заинтересовал потому, что, как выяснилось, он был в прошлом военным служащим и был еще учителем начальной школы. Так как я сама окончила педтехникум и готовилась быть учительницей, то попал и завела с ним разговор. Он рассказал мне, что окончил в Польше учительскую семинарию, в затем учился в какой-то военной школе и был подпоручиком запаса. С начала военных действий Польши с Германией он был призван на действительную службу, находился в Брест-Литовске, где и попал в плен к частям Красной Армии... Больше года он уже находился в лагере под Смоленском.

Когда пришли немцы, они захватили польский лагерь, устроили в нем жестокий режим. Немцы не считали поляков за людей, всячески притесняли и издевались над ними. Были случаи расстрела поляков ни за что. Тогда он решил бежать. Рассказывал о себе, он сказал, что жена его живет у тестя-ксёнца, что у него есть два брата и две сестры...»

Уходя на другой день, поляк назвал свою фамилию, которую **Сашнева** записала в книге. В представленной Сашневой Специальной Комиссии книге «Прихожане заметки по естествознанию» Ягодского на последней странице имеется запись:

«**Лоев Иосиф** и **Софья**. Город Замостье улица Огородная дом № 25».

В опубликованных немцами списках под № 4786 **Лоев** Юзеф, лейтенант, значится, как расстрелянный на «Козьих Горах» в Катынском лесу весной 1940 г.

Таким образом, по немецкому сообщению получается, что **Лоев** Юзеф был расстрелян за год до того, как его видела свидетельница **Сашнева**.

Свидетель **Даниленков Н. В.**, крестьянин колхоза «Красная Заря» Катынского сельсовета, показал:

«В 1941 г. в августе — сентябре м-це, когда пришли немцы, я встречал поляков, работавших на шоссе группами по 15—20 чел.».

Такие же показания дали свидетели: **Солдатенков-Бо**, старости дер. Борок, **Колачев А. С.**—завед. Борковской **Оглоблин А. П.**—священник, **Сергеев Т. И.**—дорожный мастер, **Спиридин П. А.**—инженер-дорожник, **Ал. М.** жительница Смоленска, **Алексеев А. М.**—председатель колхоза дер. Борок, **Кузнец И. В.**—водопроводный техник, **Даниленков В. Н.**—завхозяйств, **Бевкина А. Т.**—бухгалтер, **Ветрова Е. Н.** — учительница, **Сливаева И. В.**—дежурный по ст. Гнездово и другие.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками Катынского лесу военнопленных польских офицеров

(Продолжение. Начало на 3-й стр.).

катынских могил различными «делегациями». **Киселева** заставили выступить перед прибывшей «польской делегацией».

Киселев, забыв содержание подписанного в гестапо протокола, спутался и под конец отказался говорить.

Тогда гестапо арестовало **Киселева** и, нещадно избивая его в течение полутора месяцев, добилось от него согласия на «публичные выступления».

Об этом **Киселев** показал:

«В действительности получилось не так.

Весной 1943 года немцы оповестили о том, что ими в Катынском лесу в районе «Козьих Гор» обнаружены могилы польских офицеров, якобы расстрелянных органами НКВД в 1940 году.

Вскоре после этого ко мне в дом пришел переводчик гестапо и повел меня в лес в район «Козьих Гор».

Когда мы вышли из дома и оставшись вдвоем, переводчик предупредил меня, что я должен сейчас рассказать присутствующим в лесу людям все в точности, как было изложено в подписанном мною в гестапо документе.

Придя в лес, я увидел разрытые могилы и группу неизвестных мне лиц. Переводчик сказал мне, что это «польские делегаты», прибывшие для осмотра могил.

Когда мы подошли к могилам, «делегаты» на русском языке стали задавать мне различные вопросы по поводу расстрела поляков. Но так как со времени моего вызова в гестапо прошло более месяца, я забыл все, что было в подписанном мною документе, и стал путаться, а под конец сказал, что ничего о расстреле польских офицеров не знаю.

Немецкий офицер очень разозлился, а переводчик грубо отташил меня от «делегации» и прогнал.

На следующий день, утром, к моему двору подъехала машина, в которой был офицер гестапо. Разыскав меня во дворе, он объявил, что я арестован, посадил в машину и увез в Смоленскую тюрьму...

После моего ареста я много раз вызывался на допросы, но меня после побоев больше не вызывали. Первый раз вызвали, сильно избили и обругали, заявляя, что я их подвел, и потом отпустили в камеру.

При следующем вызове мне сказали, что я должен публично заявить о том, что являюсь очевидцем расстрела польских офицеров большевиками и что до тех пор, пока гестапо не убедится, что я это буду добросовестно делать, я не буду освобожден из тюрьмы. Я заявил офицеру, что лучше буду сидеть в тюрьме, чем говорить людям в глаза ложь. После этого меня сильно избили.

Таких допросов, сопровождавшихся побоями, было несколько, в результате я совершенно обесселел, стал плохо слышать и не мог двигать правой рукой.

Примерно через месяц после моего ареста немецкий офицер вызвал меня и сказал: «Вот видите, Киселев, я чему привело ваше упрямство. Мы заставим назвать вас. Утром повезем в Катынский лес и повесим». Я просил офицера не делать этого, стал убеждать его, что я не подожму для роли «очевидца» расстрела, так как вообще врать не умею и поэтому снова что-нибудь напутаю. Офицер настаивал на своем. Через несколько минут в кабинет вошли солдаты и начали избивать меня резиновыми дубинками.

Не выдержав побоев и истязаний, я дал согласие выступать публично с вымышленным рассказом о расстреле поляков большевиками. После этого я был освобожден из тюрьмы с условием—по мере надобности требовавшего немцев выступать перед «делегациями» в Катынском лесу...

В каждом случае перед тем, как вести меня в лес к расстрелам или могилам, переводчик приходил на мою домой, вызывал во двор, отводил в сторону, чтобы никто не слышал, и в течение получаса заставлял заучивать наизусть вс, что мне нужно будет говорить о якобы имевшем место расстреле НКВД польских офицеров в 1940 году.

Я вспоминаю, что переводчик говорил мне примерно следующее: «Я живу на хуторе в районе «Козьих Гор» недалеко от дачи НКВД. Ночью в дом к я видел, как свозили в лес поляков и по ночам - их там расстреливали». Я обязательно нужно было дословно заявить, что «это дело рук НКВД».

После того, как я заучивал то, что мне говорил переводчик, он отводил меня в лес к разрытым могилам и заставлял повторять все это в присутствии приблизительно **Киселева**. Мои рассказы строго контролировались и направлялись переводчиком гестапо.

Однажды я выступал перед какой-то «делегацией» и мне задали вопрос: «Видел ли я лично этих поляков до расстрела их большевиками?» Не был подготовлен к такому вопросу и ответил, как было в действительности, т. е. что видел польских военнопленных до начала войны, так как они работали на дорогах. Тогда переводчик грубо оттащил меня в сторону и прогнал домой.

Вот почему не спорить, что меня все время мучила совесть, так как я знал, что в действительности расстрел польских офицеров произошел в начале 1941 году, но у меня другого выхода не было, так как я постоянно находился под страхом повторения побоев.

Показания **Киселева** П. Г. о его вызове в гестапо, последующем аресте и избиениях подтверждаются показаниями свидетеля о нем его женой **Киселевой** Аксиньей, 1870 года рождения, его сыном **Киселевым** Василием, 1911 года рождения, и невесткой **Киселевой** Марией, 1918 года рождения, а также занимающим у **Киселева** на хуторе комнату дорожным мастером **Сергеевым** Тимофеем Иванычем, 1901 года рождения.

Увечья, причиненные **Киселеву** в гестапо (повреждение плеча, значительная потеря слуха), подтверждены актом врачебно-медицинского обследования.

В показах свидетелей- немцы в дальнейшем заинтересовались работниками железнодорожной станции Гнездово, находящейся в двух с половиной километрах от «Козьих Гор».

На эту станцию весной 1940 года прибывали военнопленные поляки, и немцам, очевидно, хотелось получить соответствующие показания железнодорожников. В этих целях весной 1943 года немцы были вызваны в гестапо бывший начальник станции Гнездово — **Иванов С. В.**, дежурный по станции **Савватеев И. В.** и другие. Об обстоятельствах их вызова в гестапо **Иванов С. В.**, 1882 года рождения, показал:

«...Это было в марте 1943 года. Меня допрашивал немецкий офицер в присутствии переводчика. Расспросив меня через переводчика о том, кто я такой и какую должность занимал из станции Гнездово до оккупации района немцами, офицер спросил меня, известно ли мне о том, что весной 1940 года на станцию Гнездово в нескольких поездах, большими партиями, прибыли военнопленные польские офицеры.

Я сказал, что об этом я знаю.

Тогда офицер спросил меня, известно ли мне, что произошло на той же весной 1940 года, вскоре после прибытия польских офицеров, всех их расстреляли в Катынском лесу.

Я ответил, что об этом мне ничего неизвестно и что этого не может быть потому, что прибывшие весной 1940 года на станцию Гнездово военнопленные польских офицеров я встречал на протяжении 1940—1941 гг. вместе с занятыми немцами Смоленска, на дорожно-строительных работах.

Офицер тогда заявил мне, что если я сейчас не выступлю перед ним, якобы, как шоферу, участвовавшему в перевозке польских офицеров в Катынский лес и присутствовавшему при их расстреле, известно. При моем согласии дать такие показания, **Алферкин** обещал освободить меня из тюрьмы, устроить на работу в полицию, где мне будут созданы хорошие условия жизни, в противном же случае они меня расстреляют.

Последний раз меня в полиции допрашивал следователь **Алферкин**, который требовал меня таких же ложных показаний о расстреле польских офицеров, как и **Алферкин**, но я у него на допросе в отказался давать вымышленные показания.

Я помню, что попал в чрезвычайно тяжелое положение и что меня ожидает печальная участь, но тем не менее я вновь отказался дать такие показания офицеру вымышленные показания.

После этого офицер стал на меня кричать, угрожать избиением и расстрелом, заявляя, что я не понимаю собственной выгоды. Однако я твердо стоял на своем.

Тогда переводчик составил короткий протокол на немецком языке на одной страничке и рассказал своими словами его содержание.

В этом протоколе был записан, как мне рассказал переводчик, только факт прибытия польских военнопленных на станцию Гнездово. Когда я стал просить, чтобы мои показания были записаны не только на немецком, но и на русском языке, то офицер с ожесточением вышел из себя, ударил меня резиновой палкой и выгнал из помещения...»

Савватеев И. В., 1880 года рождения, показал:

«...В гестапо я показал, что действительно весной 1940 года на станцию в нескольких поездах прибывали военнопленные поляки и что они на машинах проследовали дальше, в лес — мне неизвестно. И также добавил, что эти поляки в позднее встречал неоднократно на шоссе Москва—Минск, производивших небольшими партиями ремонтные работы.

Офицер заявил мне, что я путаю, что я не мог встречать поляков на шоссе, так как они расстреляны немцами задолго до войны, что я, видимо, об этом и показал. Я отказался.

После длительных угроз и угощения водкой офицер подвел меня к чем-то с переводчиком на немецком языке, я переводчик что-то написал короткий протокол и дал мне его на подпись, об'яснив, что здесь изложено содержание моих показаний. Я попросил переводчика дать мне возможность самому прочесть протокол, но тот обругал меня грубо и приказал немедленно же подписать его и убираться вон. Я почедил минуту, переводчик схватил висевшую на стене резиновую дубинку и замахнулся на меня. После этого я подписал подсунутый мне протокол. Переводчик сказал, чтобы я убирался домой и никуда не уезжал, иначе меня расстреляют»...

Поиски «свидетелей» не ограничились названными лицами. Органы настойчиво старались разыскать бывших сотрудников НКВД и заставить их дать нужные для них ложные показания.

Случайно арестовав бывшего рабочего гаража УНКВД Смоленской области **Игнатюк Е. Л.**, немцы упорно пытались угроз и побоев добиваться от него дать показания о том, что он, якобы, являлся не рабочим гаража, а шофером и перевозил на расстрел военнопленных поляков.

По этому вопросу **Игнатюк Е. Л.**, 1903 года рождения, показал:

«Когда я был в первый раз на допросе у начальника полиции **Алферкина**, он, обвиняя меня в агитации против немецких властей, спросил, кем я работал в НКВД. Я ему ответил, что я работал в гараже Управления НКВД Смоленской области в качестве рабочего. **Алферкин** на этом же допросе стал от меня добиваться, чтобы я ему дал показания о том, что я работал в Управлении НКВД не рабочим гаража, а шофером.

Я сказал, что об этом я знаю. Тогда офицер спросил меня, известно ли мне, что произошло на той же весной 1940 года, вскоре после прибытия польских офицеров, всех их расстреляли в Катынском лесу.

Я ответил, что об этом мне ничего неизвестно и что этого не может быть потому, что прибывшие весной 1940 года на станцию Гнездово военнопленные польских офицеров я встречал на протяжении 1940—1941 гг. вместе с занятыми немцами Смоленска, на дорожно-строительных работах.

Офицер тогда заявил мне, что если я сейчас не выступлю перед ним, якобы, как шоферу, участвовавшему в перевозке польских офицеров в Катынский лес и присутствовавшему при их расстреле, известно. При моем согласии дать такие показания, **Алферкин** обещал освободить меня из тюрьмы, устроить на работу в полицию, где мне будут созданы хорошие условия жизни, в противном же случае они меня расстреляют.

Последний раз меня в полиции допрашивал следователь **Алферкин**, который требовал меня таких же ложных показаний о расстреле польских офицеров, как и **Алферкин**, но я у него на допросе в отказался давать вымышленные показания.

Перед этого допроса меня опять избили и отправили в гестапо...

...В гестапо от меня требовали так же, как и в полиции, ложных показаний о расстреле польских офицеров в Катынском лесу в 1940 году советскими властями, о том, как шоферу, якобы, известно».

В изданной германским Министерством иностранных дел книге, в которой были помещены обработанные немцами материалы о «Катынскому делу», кроме упомянутого выше **Киселева П. Г.**, были названы в качестве «свидетелей» бывший начальник станции Гнездово, 1877 года рождения, **Сильверстов** Григорий, 1891 года рождения, **Андреев**, Иван, 1917 года рождения, **Жигулин** Михаил, 1915 года рождения, **Кривозерцев** Иван, 1915 года рождения, и **Захаров** Матвей, 1893 года рождения.

Проверкой установлено, что первые двое из перечисленных выше (**Годенов** и **Сильверстов**) умерли в 1943 г. до освобождения Смоленской области Красной Армией; следующие трое (**Андреев, Жигулин** и **Кривозерцев**) ушли с немцами, а может быть, были ими увезены насильно, а последний **Захаров** Матвей—бывший сцепщик на станции Смоленск, работавший при немцах старостой в дер. Новые Батеки, был разыскан и допрошен Специальной Комиссией.

Захаров рассказал, каким способом немцы получили у него нужные им ложные показания по «Катынскому делу»:

«В начале марта 1943 года,— показал **Захаров**,—ко мне на квартиру пришел сотрудник Гнездовского гестапо, фамилии его я не знаю, и сказал, что меня вызывает офицер.

Когда я пришел в гестапо, немецкий офицер через переводчика заявил мне: «Нам известно, что вы работали сцепщиком на ст. Смоленск-центральная и должны показать, что в 1940 году через Смоленск направлялись вагоны с военнопленными поляками на станцию Гнездово, после чего они были расстреляны в лесу у «Козьих Гор».

В ответ на это я заявил, что вагоны с поляками в 1940 году действительно проходили через Смоленск по направлению на запад, но где была станция назначения—я не знаю...

Офицер сказал мне, что если я по-хорошему не желаю дать показания, то он заставит сделать это по принуждению. После этих слов он ударил меня резиновую дубинку и начал меня избивать. Затем меня положили на скамейку и офицер вместе с переводчиком били меня. Сколько было нанесено ударов, я не помню т. к вскоре потерял сознание.

Когда я пришел в себя, офицер потребовал от меня подписать протокол допроса, и я, скиплетчиво, под воздействием побоев и угроз расстрела, дал ложные показания и подписал протокол. После подписания протокола я был из гестапо отпущен...

Через несколько дней после моего вызова в гестапо, примерно в середине марта 1943 года, ко мне на квартиру пришел переводчик и сказал, что я должен явиться к немецкому офицеру и подтвердить там свои показания.

Когда мы пришли к генералу, он спросил у меня—подтверждал ли я свои показания. Я сказал, что подтверждаю, т. к. еще в пути был предупрежден переводчиком, что если я отказ, то меня ждет еще гораздо худшее, чем испытал в первый раз в гестапо.

Вскоре после этого, я отвезен, что свои показания подтверждаю. Потом переводчик приказал мне поднять вверх правую руку и сказал: «Вы клялись и принял присягу и могу итти домой».

Установлено, что немцы пытались получить нужные им показания, применяя угозвы, угрозы и истязания, и от других лиц, в частности от бывшего помощника начальника Смоленской тюрьмы **Кавержанева Н. С.**, бывшего работника той же тюрьмы **Ковалева Д. Н.** и других.

Так как поиски нужного количества свидетелей не увенчались успехом, немцы расклеили в г. Смоленске и оккупированном районе следующую листовку, подлинный экземпляр которой имеется в материалах Специальной Комиссии:

«Обращение к населению

Но может дать данные про массовое убийство, совершенное большевиками в 1940 году над пленными польскими офицерами и священниками в лесу Козьи горы около шоссе Гнездово-Катынь?

Кто наблюдал автотранспорты от Гнездова в Козьи горы ночью, кто видел или слышал расстрелы? Кто знает жителей, которые могут рассказать об этом?

Каждое сообщение вознаграждается.

Сообщения направлять в Смоленск в немецкую полицию. Мусейвой улица 6, в Гнездово, в немецкую полицию дом № 105 у вокзала.

Фосс
лейтенант полевой полиции»
3 мая 1943 года.

Такое же об'явление было помещено в издававшейся немцами в Смоленске газете «Новый путь» (№ 35 (157) от 6 мая 1943 г.).

О том, что немцы сулили награду за дачу нужных им показаний по Катынскому делу, заявили опрошенные в Специальной Комиссии свидетели—жители гор. Смоленска: **Соколова О. Е., Пущина Е. Ф., Вычкова Ф. Ф., Андреев Г. Т., Устинов Е. П.** и многие другие.

Обработка катынских могил в Катынском лесу

Наряду с поисками «свидетелей», немцы приступили к соответствующей подготовке к «Катынском лесу: к из'ятию из одежды убитых ими польских военнопленных всех документов, почтенных деталей позднее апреля 1940 года, т. е. времени, когда, согласно немецкой провокационной версии, якобы расстрелы были большевиками; к удалению всех вещественных доказательств, могущих опровергнуть ту же провокационную версию.

Расследованием Специальной Комиссии установлено, что для этой цели немцами были использованы в Катынском лесу военнопленные, сплошь из 500 человек, специально отобранные из лагеря военнопленных № 126.

Специальная Комиссия располагает многочисленными свидетельскими показаниями по этому вопросу.

Из них особого внимания заслуживают показания врачебного персонала упомянутого лагеря.

Врач **Чижов А. Т.**, работавший в лагере № 126 в дни оккупации немцами Смоленска, показал:

«...Примерно в начале марта месяца 1943 года из Смоленского лагеря военнопленных № 126, из числа более физически крепких пленных, отобрано было несколько партий, общим количеством в до 500 человек, для направления, якобы, на окопные работы. Впоследствии никто из этих пленных в лагерь не пришел.

Врач **Хмыров В. А.**, также работавший при немцах в том же лагере, показал:

«Мне известно, что примерно во второй половине февраля месяца или начале марта 1943 г. из нашего лагеря было отправлено в неизвестном мне направлении около 500 человек военнопленных краснармейцев. Отправка этих пленных производилась, якобы, на окопные работы, почему и отправлялись физически полноценные люди...».

Тождественные показания дали: медсестра **Лепьковская О. Г.**, медицинский брат **Ф. Ф. Ш.**, свидетельницы **Орлова П. М., Добердерова Е. Г.** и свидетель **Кочетков В. С.**

Куда на самом деле были направлены 500 советских военнопленных из лагеря № 126, явствует из показаний свидетельницы **Московской А. М.**

Гр-на **Московская Александра** Михайловна, проживавшая на окраине гор. Смоленска и работавшая в период оккупации на кухне в одной из немецких воинских частей, подала 5 октября 1943 г. заявление в Чрезвычайную Комиссию по расследованию зверств немецких оккупантов с просьбой вызвать ее для дачи важных показаний.

Будучи вызвана, она рассказала Специальной Комиссии, что в начале месяца 1943 года перед уходом на работу, зайдя за дровами в свой сарай, находившийся во дворе у своего дома, она увидела в нем неизвестного человека, который оказался русским военнопленным.

Московская А. М., 1922 года рождения, показала:

«...Из разговора с ним я узнала следующее:

Его фамилия **Егоров**, зовут Николай, ленинградец. С конца 1941 года он был в лагере. С ноября месяца или начала марта 1943 г. из нашего лагеря было отправлено в неизвестном мне направлении около 500 человек военнопленных краснармейцев. Отправка этих пленных производилась, якобы, на окопные работы, почему и отправлялись физически полноценные люди...».

Тождественные показания дали: медсестра **Лепьковская О. Г.**, медицинский брат **Ф. Ф. Ш.**, свидетельницы **Орлова П. М., Добердерова Е. Г.** и свидетель **Кочетков В. С.**

Куда на самом деле были направлены 500 советских военнопленных из лагеря № 126, явствует из показаний свидетельницы **Московской А. М.**

Гр-на **Московская Александра** Михайловна, проживавшая на окраине гор. Смоленска и работавшая в период оккупации на кухне в одной из немецких воинских частей, подала 5 октября 1943 г. заявление в Чрезвычайную Комиссию по расследованию зверств немецких оккупантов с просьбой вызвать ее для дачи важных показаний.

Будучи вызвана, она рассказала Специальной Комиссии, что в начале месяца 1943 года перед уходом на работу, зайдя за дровами в свой сарай, находившийся во дворе